

Д. В. Болдырев

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗЫСКАНИЯ ЗАДОЛЖЕННОСТИ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация.

Актуальность и цели. Принятие судебной реформы 1864 г. стало цементирующей основой становления и развития гражданского общества в России, основным фактором, обеспечивающим взаимодействие личности и власти. Государством были созданы не только механизмы по защите интересов населения, такие как адвокатура или суд присяжных, но и инструменты для призыва лиц к ответственности в принудительном порядке. Для таких целей вводилась специальная должность судебного пристава, целью которого было исполнение судебных решений, деятельность которого в основном была направлена на взыскание задолженности. Недостаточный уровень изучения данного вопроса делает его актуальным для ретроспективного анализа и изучения опыта взыскания в масштабах страны. Цель работы – изучение структурных аспектов и анализ процесса взыскания задолженности как базового элемента механизма принудительного исполнения решения суда.

Материалы и методы. В основе исследования лежат неопубликованные малоизученные документы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Пензенской области, Государственного архива Саратовской области (материалы исполнительного производства, документы делопроизводства судебных приставов, переписка с органами полиции и местной власти), материалы периодической печати. Методологический потенциал работы составляют метод историзма, который позволяет нам изучить поставленную проблему в контексте определенного периода времени, диалектический метод способствует рассмотрению поставленной цели по материалам Пензенской губернии, определяя специфику процесса взыскания и его элементы.

Результаты. Изучена практика и дискуссионные аспекты взыскания в Пензенской губернии пореформенного периода. Проанализирована логика механизма взыскания на примере деятельности судебных приставов.

Выводы. Изучение процесса взыскания позволяет нам прийти к выводу о том, что оно не было четко регламентировано, что выражалось в отсутствии четко выраженной практической деятельности непосредственно судебного пристава. Опосредованное участие иных лиц государственной власти в исполнительном производстве лишало данный механизм автономии и собственной логики развития, что в свою очередь подрывало авторитет судебного пристава. Его практическая деятельность по взысканию задолженности имела неоднозначный характер, так как ключевой движущей силой данного процесса были стороны исполнения и степень их заинтересованности в реализации и аресте имущества, что позволяет нам делать вывод о вариативности процесса взыскания, что мешало его унификации на территории России.

Ключевые слова: судебный пристав, процесс взыскания, повестка, тяжущиеся, арест имущества, публичные торги по реализации имущества, торговый лист.

KEY ASPECTS OF DEBT COLLECTION IN PENZA REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract.

Background. The adoption of the judicial reform of 1864 was the cementing basis of the formation and development of civil society in Russia, the main factor in ensuring the interaction of personality and power. The government established mechanisms not only to protect the interests of the population, such as the legal profession or the jury, but also the tools for recruitment of persons to responsibility for enforcement. For such purposes, introduced a special position of the bailiff, whose goal was the enforcement of judgments, whose activities were mainly aimed at recovery of debts. Insufficient study of this question makes it relevant for retrospective analysis and study of the experience of recovery across the country. The aim of this work is the study of the structural aspects and analysis of the debt collection process as a basic element of the mechanism of forced execution of court decisions.

Materials and methods. The basis of the study lay unpublished little-studied documents of the Russian state historical archive, State archive of the Penza region, the State archive of the Saratov region (the materials of the enforcement proceedings, documents of the office of bailiffs, correspondence with the police and local authorities), periodicals. Methodological potential of the work are the method of historicism, which allows us to study the given problem and the context of a specific period of time, the dialectical method has contributed to the consideration of the goals on materials of the Penza province, defining the specifics of the foreclosure process and its elements.

Results. Practice studied and controversial aspects of the collection in the Penza province in the postreform period. Analyzed the logic of the mechanism of foreclosure on the example of the activity of bailiffs.

Conclusions. The study of the process of recovery allows us to conclude that it was not clearly defined, which was reflected in the lack of a clear practical activities directly bailiff. The indirect participation of other persons the state authorities in enforcement proceedings deprived this mechanism of autonomy and its own logic of development, which in turn undermined the authority of a bailiff. Practice in debt recovery has been mixed, as the key driving force of this process was side execution and the degree of their interest in the implementation and the seizure of property, which allows us to infer the variability of the foreclosure process that prevented its unification on the territory of Russia.

Key words: the bailiff, the collection process, subpoena, litigants, arrest of property, the public auction for property sale, commercial sheet.

Судебная реформа 1864 г. обеспечила истоки становления института судебных приставов и развитие его на историческом пространстве России. Он создавался специально для принудительного взыскания задолженности и исполнения поручений и решений суда. Эта обязанность возлагалась на приставов лично, поэтому им запрещалось обращаться напрямую к полицейским урядникам с поручениями, непосредственно не относящимися к исполнительной деятельности. Тем не менее нам известны случаи, при которых взаимодействие полиции и приставов имело определенный смысл, в частности когда в первые годы реализации судебной реформы 1864 г. отдельные функции приставов исполнялись именно полицией.

На момент проведения в жизнь судебной реформы 1864 г. у государства не было четкого представления о том, какие механизмы необходимо избрать, чтобы институт исполнительного производства работал максимально эффективно. Поэтому в первую очередь деятельность судебных приставов как принципиально нового этапа в развитии судебной системы страховалась полицией путем подчинения последних непосредственно чинам судебных ведомств.

Механизм взыскания не был выстроен в соответствии с потребностями времени и возможностями самой образованной исполнительной системы, поэтому некоторые пробелы в деятельности пристава преодолевались на муниципальном уровне в процессе исполнения. В Пензенской губернии имелись подобные примеры, а именно в 1876 г. в случае отсутствия возможности доставки повестки по необходимому адресу судебный пристав мог оправдаться собственным «действительным незнанием» расположения того или иного объекта [1]. Например, в июне 1879 г. судебный пристав Пензенского окружного суда Усков в процессе исполнения определения суда о применении обеспечительной меры (наложения ареста на имение губернского секретаря И. Зимнинского) не смог точно определить конкретное место расположения данного имущества. Вследствие этого пристав получил конкретные указания по выяснению точного не только географического расположения недвижимости, но и построек, там находящихся [2, д. 5. л. 19–19 об.].

Доставка повесток судебными приставами осуществлялась немедленно, а вторые экземпляры повесток возвращались в канцелярию суда не позднее одного дня со дня вручения последней. Направление повестки через судебного пристава создавало для суда необходимые временные условия для рассмотрения дел и гарантировало доставку последней в необходимые сроки и точно по адресу.

В целях преодоления множественности действий судебного пристава по доставлению повесток и осуществлению исполнительных действий пензенскими приставами прописывались конкретные намерения по исполнению. Так, судебный пристав Пензенского окружного суда М. Андреев в январе 1898 г. в повестке предупреждал купца Г. В. Соколова, что при вручении ему повестки о взыскании суммы долга в размере 500 руб. одновременно будет наложен арест на дом [2, д. 25. л. 14]. Так как одной из целей судебного пристава по исполнению решения суда было получение вознаграждения за собственные действия, то непосредственно в повестке он указывал конкретный размер оплаты собственных действий. Так, в феврале 1910 г. действовал судебный пристав Пензенского окружного суда по Чембарскому уезду Арсентьев, который в повестке требовал от должника возместить ему расходы на ведения дела в размере 220 руб. 80 коп., предоставив должнику Дмитриеву в течение двух месяцев исполнить долговые обязательства перед непосредственной описью и последующей продажей имения. Особенностью данного случая является высокая стоимость ведения дела при фактически нереализованном имуществе должника. Таким образом, судебный пристав защищал себя от возможной неоплаты ему вознаграждения, а для должника создавал условия для добровольного погашения долга [2, д. 29. л. 5 об.].

В отличие от современного механизма вручения повесток в России, который, как правило, строго персонифицирован, в рассматриваемый нами пе-

риод судебный пристав мог вручать повестку вместе с приложением самому ответчику, а если не обнаруживал последнего, то мог отдать повестку «домашним его или заведовавшему имением его, либо домом, или тому из соседей, которые согласились бы доставить повестку и давали бы в этом расписку» [3]. Второй экземпляр повестки пристав немедленно доставлял в суд, при котором состоял. Так, 3 ноября 1887 г. судебный пристав Пензенского окружного суда Андреев вручил повестку мещанину, живущему в имении должника купца Чекалина, о чем сделал соответствующую запись [2, д. 13. л. 4].

Отметим, что вручение повестки лицам, не имеющим отношения к обязательствам должника, подрывало авторитет судебного пристава и затягивало процесс взыскания. Повестка, с одной стороны, помимо своей информативности была отправным механизмом к началу процедуры принудительного взыскания, так как содержала сведения о намерениях пристава в отношении должника, с другой стороны, давала последний шанс должнику исполнить свои обязательства добровольно.

Однако на практике в Пензенской губернии существовали повестки разного характера. Мы можем выделить три типа, а именно ознакомительные, предупреждающие, побуждающие должника к ответным действиям по оплате долга [2, д. 34. л. 4].

Повестка была базовым коммуникативным средством между тяжущимися и судом. Плата за исполнительные действия вносилась в Пензенский окружной суд и сопровождала конкретные иски и прочие дела, но порой не была привязана к конкретному судебному приставу, что к середине 1870-х стало ключевой бюрократической проблемой, ставшей непосредственным препятствием к оперативному исполнению решения суда и снижала эффективность деятельности самого пристава.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о должниках, проживающих в других губерниях, при условии, что на момент ведения исполнительных действий деньги за доставку повесток уже внесены в окружной суд в г. Пензе и чаще всего далее не перечислялись [4]. Таким образом, эти лица фактически лишались возможности доставления им повестки, а само дело могло долгое время находиться в суде без внимания. Данная проблема стала актуальной после открытия Пензенского окружного суда в 1871 г. и была преодолена только к середине 1880-х гг., когда доставкой повесток стали заниматься судебные рассыльные. Возможно поэтому практически в конце каждого года у судебного пристава оставался не один десяток не исполненных дел, которые он включал в ежегодный отчет о своей деятельности, а в кассе Пензенского окружного суда имелись нераспределенные должным образом излишки внесенных денежных средств.

При обращении взыскания на недвижимое имущество судебный пристав сообщал нотариусу сведения об обременении данного имущества правами третьих лиц и о том, не находилось ли имущество в чьем-либо владении. Эти сведения пристав предоставлял вместе с описью в то судебное место, при котором он планировал производить публичные торги.

Фактически большое влияние на судебного пристава мог оказывать сам взыскатель. С одной стороны, он не вмешивался в непосредственно исполнительные действия процессуального характера, а с другой стороны, судебный пристав практически должен был выполнять заявленные требования истца.

В августе 1889 г. П. А. Краснов при взыскании с баронессы Л. П. Фон-Вимпорен просил судебного пристава об аресте не только недвижимости в виде земельного участка при с. Телегино Пензенского уезда, но и имеющегося на данном имении урожая хлеба, а также капитала владельца [2, д. 16. л. 1]. Также предполагалось наложение ареста на хлеб молотый или в зернах. Будущий урожай хлеба мог быть описан непосредственно в поле, т.е. еще до его уборки. Такая мера предохраняла истца от возможного сокрытия хлеба по разным соседним амбарам и имениям.

Порой подобные просьбы от заинтересованных лиц поступали судебному приставу еще до того, как он должен был известить ответчика о предстоящем в отношении него суде или исполнении судебного решения. Такие обеспечительные меры способствовали преодолению порчи или сокрытия имущества должником. В октябре 1913 г. на основании выданного Пензенским окружным судом исполнительного листа поверенному крестьянки Н. П. Илюниной заявитель конкретизировал подлежащее аресту движимое имущество, даже выходящее за рамки размера задолженности в 2000 руб. [5, д. 84. л. 17]. Несмотря на решение суда произвести арест движимого имущества, позиция взыскателя определялась целями изъять конкретное имущество в виде лошадей, бочек, упряжек, одежды и прочего [5, д. 84. л. 15]. Интерес представляет обращение взыскания на движимое имущество, находящееся в границах определенной территории. Так, в 1914 г. по иску К. Л. Тераевича к И. А. Кочеткову о возвращении 2000 руб. на основании исполнительного листа Пензенского окружного суда было решено провести арест имущества должника в виде «хлеба, скота, лошадей, домашней обстановки и прочей движимости, находящейся в его доме, квартире» при станции Проказна московско-казанской железной дороги [2, д. 43. л. 2].

Так, в марте 1908 г. на основании исполнительного листа Пензенского окружного суда по иску пензенского отделения государственного банка к должнику И. С. Демину было предписано арестовать рожь в количестве 9800 пудов, расположенную в Пензенской губернии Саранского уезда близ деревень Семелейка и Николаевка, на сумму долга 5200 руб., хотя на тот период времени оценка имущества проведена не была [2, д. 27. л. 2]. При этом должники старались реализовать имущество, которое в будущем будет у них изъято или арестовано по решению суда, как в вышеупомянутом случае, при котором при изъятии ржи было обнаружено, что должник продал 2000 пудов, при этом банк требовал от судебного пристава разыскать денежные средства от реализации данного имущества.

Данный пример наглядно демонстрирует отсутствие реальной возможности к сохранности данного имущества или принятию иных мер для полноценного исполнения решения суда. Вышеописанная ситуация делала процесс исполнения уязвимым и не только ставила под сомнение рациональность действий судебного пристава, но и снижала эффективность исполнения в целом.

Отметим, что судом не всегда определялись территориальные рамки для проведения исполнительных действий, что в целом провоцировало ситуации, когда взыскание могло по ошибке обращаться на имущество, не принадлежащее должнику и расположенное вдали от его места жительства.

Процесс исполнения решения суда был медлителен и осложнялся различными факторами: территорией исполнения, наличием судебного пристава,

загруженностью делами и другими аспектами. Однако одной из ключевых побуждающих судебного пристава к деятельности причин была оплата его действий тяжущимися, которые уже при обращении к судебному приставу делали на этом акцент только для того, чтобы тот приступил к исполнительным действиям как можно быстрее. Так, в 1879 г. коллежский регистратор А. Мотовилов просил судебного пристава Городищенского уезда Пензенской губернии о скорейшем назначении повторных торгов арестованного имения в с. Аристовка, объясняя это тем, что ответчик «сокращает стоимость арестованного имущества». При этом А. Мотовилов сразу же прилагал денежные средства в размере 20 руб. на расходы судебного пристава на организацию торгов и на подачу объявления в печать, что позволяло приставу практически безотлагательно отреагировать на подобного рода просьбы [2, д. 5. л. 21 об.].

Факт оплаты расходов судебного пристава определял приоритет в исполнении, что, на наш взгляд, провоцировало хаотичный подход судебного пристава к выполнению своих служебных обязанностей, тем самым снижая эффективность его деятельности.

Важное место в процессе взыскания занимала организация публичных торгов по продаже арестованного имущества. По общему правилу продажа означалась подачей объявления приставом, где указывались предмет, место, день и час продажи, имя владельца имущества и сумма для торгов.

В наказе Пензенского окружного суда 1874 г. впервые устанавливался порядок процессуальных действий для пензенских приставов на случай объявления торга, при котором пристав должен был вести соответствующий протокол торга, где должны быть отмечены обязательные к заполнению реквизиты: дата, место и время проведения торгов; имущество, подлежащее продаже; лица, участвующие в проведении торгов; порядок проведения торга [6].

В случае, если торг не состоялся, в протоколе делалась соответствующая запись о причинах этого. В протоколе в обязательном порядке ставились подписи пристава, проводившего торг, и присутствовавшего при торге члена суда. Информирование населения о торгах происходило путем подачи соответствующего объявления в периодическую печать [7–12].

В специальном разделе «Торги», «Продажа» или «Объявления» и т.п. указывалась информация о приставе, который будет проводить торг, его место жительства, а также конкретные статьи, на основании которых будут производиться торги, приблизительная стоимость имущества и информация о том, чье имущество публично продавалось.

В наказе Пензенского окружного суда 1909 г. появилась четкая формулировка о том, что судебный пристав мог не приступать к выполнению своих прямых обязанностей, если его действия не оплачены тяжущимися [13, с. 67]. Таким образом, в Пензенской губернии реализовывалась политика государства, направленная на сокращение судебных расходов за счет казны.

Тяжущиеся, заинтересованные в более быстром исходе дела, старались пересылать денежные средства судебному приставу одновременно с поступающими от них заявлениями. В Пензенской губернии тяжущиеся старались слать деньги почтовым переводом вместе со своими просьбами. Это облегчало работу пристава по исполнению и создавало благоприятные условия для получения ими впоследствии вознаграждения [5, д. 86. л. 8].

Обратной стороной авансирования действий судебного пристава было условное обозначение оплаты со стороны тяжущихся. Так, в апреле 1913 г. поверенный должника И. В. Андреева требовал от судебного пристава Пензенского окружного суда Н. Кратистова произвести опись имущества должника, расположенного в Городищенском уезде при с. Чертеим в Засурской даче и при деревне Карауловке, также дом в г. Пензе на углу Троицкой и Нагорной улиц, при этом обещал оплатить действия пристава только после вручения должнику повестки и назначения дня описи [2, д. 28. л. 7]. Подобная постановка вопроса о взаимодействии взыскателей и пристава позволяет нам сделать вывод об одном из ключевых критериев, обеспечивающих эффективность взыскания, так как оплата деятельности судебного пристава способствовала неотложности действий последнего и его заинтересованности в процессе взыскания. Например, в вышеописанном случае повестка о намерении описать имущество должника в счет задолженности была составлена Н. Кратистовым в день поступления заявления от взыскателя 10 августа 1913 г.

Отметим, что особую актуальность в процессе взыскания приобрели действия пристава при наложении ареста на денежные средства должника, расположенные в банках и иных кредитных организациях. Так, 13 февраля 1913 г. к судебному приставу Пензенского окружного суда М. И. Андрееву обращался взыскатель И. Крейнс и просил наложить арест на сумму долга 11 947 руб. 23 коп. А. В. Андреева, на денежные средства, находящиеся в Пензенском губернском акцизном управлении. Так как взыскателем на момент предъявления претензий к должнику было оплачено 2 руб. на повестки, это позволило в тот же день выписать повестку должнику [2, д. 33. л. 2].

Таким образом, в Пензенской губернии складывался принцип немедленного исполнения судебного решения, что в свою очередь позволяло преодолевать медлительность процесса взыскания. Однако данная практика складывалась стихийно и характеризует лишь отдельные случаи, при которых взыскатели на ранних этапах исполнительного производства оплачивали действия судебного пристава. Наличие или отсутствие оплаты действий пристава или на ведение дела позволяет нам обозначить масштабную проблему эффективности взыскания в Пензенской губернии, а также демонстрирует дисбаланс в степени использования потенциала пензенских приставов на практике.

Лица, заинтересованные в ускоренном порядке объявления торгов, сами предоставляли судебному приставу денежные средства на его организацию. 3 марта 1913 г. судебному приставу Пензенского окружного суда М. И. Андрееву поступило 17 руб. 20 коп. для назначения торгов на имущество должника А. А. Илюнина [5, д. 86. л. 27]. Такая практика способствовала поэтапному развитию исполнительного производства в Пензенской губернии, так как в обратном случае, когда торги проводились за счет будущей вырученной суммы от продажи имущества, пристав должен был получить вознаграждение и судебные издержки из той же суммы. В итоге складывалась ситуация, при которой долг не списывался с ответчика полностью и сбор в пользу судебного пристава числился на ответчике в качестве задолженности.

В наказе Пензенского окружного суда 1909 г. прогрессивная норма, обязывающая потенциальных покупателей вносить какую-либо стоимость от цены продаваемого имущества, отсутствует [13]. Традиционный порядок организации публичных торгов в Пензенской губернии способствовал, на наш

взгляд, его консервации и служил дополнительным доказательством того, что унифицировать систему исполнительного производства из центра было крайне трудно.

Торг имел строгую последовательность. Покупатель должен был внести не менее пятой части предложенной им последней цены. Остальную же сумму он обязан был внести не позднее двенадцати часов следующего дня наличными деньгами. Покупатель получал имущество только при полной его оплате. Определялся нижний порог стоимости имущества, что в свою очередь гарантировало части кредиторов частичную выплату со стороны ответчика его долгов. В Пензенской губернии такая практика способствовала более эффективной организации проведения торгов [2, д. 21а. л. 45 об.].

Однако, несмотря на регламент организации торга, соблюдался он не всегда. Так, в 1884 г. судебным приставом в Инсарском уезде Пензенской губернии при реализации имения купца Н. М. Заикина стоимостью 44 000 руб. в пользу взыскателя поручика Н. Уманова в счет погашения долга было принято 2534 руб. 93 коп., при том что 103 руб. 89 коп. были истребованы приставом на ведение дела, при этом размер принятой суммы составил только 6 % вместо необходимых 25 %, для того чтобы недвижимость осталась за покупателем [2, д. 9. л. 6, 9, 9 об.].

Таким образом, на наш взгляд, преодолевалась возможность назначения повторного торга, а судебный пристав получал возможность истребовать за свои действия вознаграждение, которое отсутствовало бы в случае несостоятельности торга. Данный бюрократический пробел характеризует деятельность пензенских приставов как половинчатую, не соответствующую целям взыскания, но при этом удовлетворяющую субъективную потребность судебного пристава в получении вознаграждения в будущем.

Таким образом, анализируя процесс взыскания задолженности, отметим, что он носил многоаспектный характер. По замыслу судебной реформы 1864 г. обязанности по взысканию возлагались на специально учрежденную должность – судебного пристава. Однако на практике мы сталкиваемся со случаями замещения данного лица чинами полиции или местными органами власти.

Таким образом, бюрократизация процесса исполнения судебного решения препятствовала эффективному и безотлагательному взысканию по нескольким причинам. Во-первых, малочисленность судебных приставов не обеспечивала Пензенскую губернию в необходимом количестве кадров, что замедляло процесс взыскания из-за большой нагрузки, во-вторых, несмотря на то что пристав должен быть мобилен в процессе исполнения, из-за большого объема канцелярской работы он не мог должным образом исполнять свои обязанности по взысканию имущества в виде его ареста или его реализации, поэтому в приоритетном порядке исполнялись решения суда при условии оплаты действий судебного пристава, в-третьих, участие в исполнительном производстве чинов полиции и местной власти понижал авторитет судебного пристава и препятствовал автономии его действий.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 23. Оп. 3. Д. 3. Л. 23.
2. ГАПО. Ф. 42. Оп. 3.
3. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. – СПб., 1867. – С. 335.

4. Государственный архив Саратовской области. Ф. 7. Оп. 3. Д. 45. Л. 65.
5. ГАПО. Ф. 42. Оп. 6.
6. Особый наказ Пензенского окружного суда. – Пенза, 1874. – С. 30.
7. Торги // Пензенские губернские ведомости. – 1874. – 13 апреля.
8. Объявления // Саратовские ведомости. – 1874. – 20 апреля.
9. Торги // Симбирские губернские ведомости. – 1874. – 27 апреля.
10. Объявления о торгах // Пензенские губернские ведомости. – 1890. – 24 апреля.
11. Продажа // Пензенские губернские ведомости. – 1906. – 26 апреля.
12. Продажа // Пензенские губернские ведомости. – 1913. – 12 июня.
13. Особый наказ Пензенского окружного суда. – Пенза, 1909. – С. 67.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO)* [State Archive of Penza region (GAPO)]. F. 23. Op. 3. D. 3. L. 23.
2. *GAPO*. F. 42. Op. 3.
3. *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda* [Court statutes of the 20th of November 1864]. Saint-Petersburg, 1867, p. 335.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti* [State Archive of Saratov Region]. F. 7. Op. 3. D. 45. L. 65.
5. *GAPO*. F. 42. Op. 6.
6. *Osobyu nakaz Penzenskogo okružnogo suda* [Special ordinance of Penza district court]. Penza, 1874, p. 30.
7. *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza provincial bulletin]. 1874, 13 Apr.
8. *Saratovskie vedomosti* [Saratov bulletin]. 1874, 20 Apr.
9. *Simbirskie gubernskie vedomosti* [Simbirsk provincial bulletin]. 1874, 27 Apr.
10. *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza provincial bulletin]. 1890, 24 Apr.
11. *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza provincial bulletin]. 1906, 26 Apr.
12. *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza provincial bulletin]. 1913, 12 Jun.
13. *Osobyu nakaz Penzenskogo okružnogo suda* [Special ordinance of Penza district court]. Penza, 1909, p. 67.

Болдырев Денис Вячеславович

соискатель, кафедра истории России, краеведения и методики преподавания истории, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: mr-boldyrev@ya.ru

Boldyrev Denis Vyacheslavovich

Applicant, sub-department of Russian history, local history and methodology of teaching history, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 94 (47) “1864/190”

Болдырев, Д. В.

Ключевые аспекты взыскания задолженности в Пензенской губернии во второй половине XIX в. / Д. В. Болдырев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 33–41. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-4